

Наши современники Гоголь, Чехов и Мольер

Гоголь, заряженный социальной эмоцией сегодняшнего дня «как порохом», гоголевские персонажи, реалистичные до потешной узнаваемости, напоминающие гримасу времени, — таков «Ревизор» в исполнении Театра Йозефа Катона.

Трагикомическая фантазмагория — целый «департамент подлости и вздоров». Надо очень точно, глубоко, нервно чувствовать потребности общества, знать жизненные интересы людей, опираться на их опыт, чтобы спектакль получился таким цельным, таким органичным: гениальный фарс в формах жизни, или лучше: жизнь в жанре фарса. Это театральная феерия, бурлеск, в котором темпераментные актеры во всю силу страсти поспешали за темпераментом режиссера Габора Жамбеки. Бывают в искусстве счастливые случаи (видно небо их специально для таланта припасает), когда найден ключ и уже никаких сложностей: образы рождаются из самой мысли, собирают мизансцену, театральные находки перекликаются, помогают друг другу, буквально перемигиваются. Какая-нибудь милая шутка мгновенно перерастает в гротеск. Хлестаков, эта длинная жердь на шарнирах, столько «беленькой» напробовавшись, ноги не держат, повалился в обморок прямо... на авансцене. Городничий бросается к нему, быстро на колени, голову поднимет, острожно опустит на пол, поднимет, опустит, — конечно же, все знают, надо хлопотать по щекам; склонился над Хлестаковым и вдруг с силой начинает себя по щекам лупить. Персонажи, однако, не карикатурны, в том-то и дело, в том-то и смех, что все потрясающе узнаваемые, осязаемые социальные типы из нашей действительности, наши знакомцы, которых ежедневно и

по сей день наблюдаем. А действие неминуемо свалывается в абсурд, и поведение персонажей, деловое, суетное, вполне привычное, на наших глазах буквально «входит в штопор». О спектакле в целом можно сказать: он впадает в гротеск, как в неслыханную простоту. Сарказм режиссера — это не просто саркастическая театральная манера, помогают им, держат стиль спектакля. Есть что-то нафкианское в этой серой стене из жестяных шкафов, куда вешают пальто, как в рабочих раздевалках, в сером огромном столе с тысячами ящиков, в голых крыльях вентилятора под потолком и в решетке для платьев — очень театральное и живописное пятно в центре сцены, — то вознесется, то опустится, все время играет. Одеты актеры Дьердьем Сакачем с привычной глазу современной пестротой, что делает спектакль театрално живописным.

«Геометрией спектакля» называет декорации Питер Брук, в спектакле венгров декорации Чорса Кхелля заодно с актерами, помогают им, держат стиль спектакля. Есть что-то нафкианское в этой серой стене из жестяных шкафов, куда вешают пальто, как в рабочих раздевалках, в сером огромном столе с тысячами ящиков, в голых крыльях вентилятора под потолком и в решетке для платьев — очень театральное и живописное пятно в центре сцены, — то вознесется, то опустится, все время играет. Одеты актеры Дьердьем Сакачем с привычной глазу современной пестротой, что делает спектакль театрално живописным.

Актеры все хороши в «Ревизоре», они чувствуют, принимают манеру режиссера, и Хлестаков — Янош Бан, и Городничиха — Юли Башти, и особенно Городничий — Петер Блашко, виртуозно, на непрерывном дыхании сыгравший свою роль. С легкостью переходит он от реально-го переживания к буффонаде и снова втягивает голову в плечи; он движется так пластично, что в некоторых мизансценах перед нами возникает какой-то пантомимический танец.

Гротескное заострение образов, саркастические восклицания — в стилистике Гоголя. Нам сейчас без юмора не прожить, но наш юмор суровый и жесткий, похожий на приговор, который обжалованию не подлежит.

Режиссерская воля, ясность замысла, стилистическая чистота, единство всех художественных средств в «Ревизоре» поразительны. И если действительно «в театре публика завершает акт творчества», зал московского театра «Современник» горячим участием довел этот вечер до масштаба настоящего театрального события.

Театр имени Йозефа Катона (отпочковавшаяся в 1982 году часть труппы Национального театра) молод, полон сил, уверен в избранном пути. Об этом свидетельствует и репертуар нынешних гастролей. Но самое главное, что понимаешь уже при первом знакомстве с театром, — как велик его интеллектуальный заряд. Спектакль — это смелая, дерзкая мысль, брошенная в зал, это властный, захватывающий призыв вместе думать о жизни. Художественное зрение непримиримо ко всякого рода «департаментам подлости» — театр вызывает к совести, разуму, достоинству. И зритель в Будапеште, в Риме, в Берлине, в Вене и в Москве откликается.

В следующий вечер венгры подарили нам еще одну встречу с чеховскими «Тремя сестрами». Режиссер Тамаш Ашшер видит эту историю по-своему, подмечает много смешного, ставит драму сестер на грань абсурда. Такое прочтение убеждает своей последовательностью, но, на наш взгляд, несколько грешит прямолинейностью. Зритель, однако, благодарен режиссеру, великолепной Юли Башти в роли Маши,

всему актерскому ансамблю за то, что они вновь дали нам почувствовать мир чеховских героев как мир, близкий современникам.

И еще один спектакль — «Мизантроп» Мольера в постановке режиссера Габора Секея. Режиссер видит пьесу Мольера как современную трагикомедию, это ощущает зритель и в решении сценического пространства Чаба Анталом (бесконечные стеклянные двери, персонажи носятся по стеклянному коридору, мечутся на виду у всех перед зеркалами), и в актерской стилистике, и в смысловых акцентах, которые режиссер расставляет. Хотелось бы, правда, в таком замысле большей свободы театрального языка, большего динамизма, вихря, который заглох музыкальные прологи. А как исполнитель главной роли Дьердь Черхалии с его покоряющим артистизмом, пластикой, голосом, темпераментом мог бы работать в обстоятельствах истинной театральной трагикомедии! Он в центре, он несет на своих плечах концепцию режиссера, этот неконформист, слишком умный и слишком серьезный для своего окружения. Пусть этого требуют власти, пусть принуждает свет признать дурные стихи хорошими — нет, нет и нет, отвечает он. Злословить лучше с глазу на глаз, по углам — нет, лучше вслух! — отвечает. И так всегда, и так во всем. Невыносим, неудобен, скандалист — ты один не ошибаешься, — несется ему вслед. Один ни один, но искренность — бремя нелегкое, это не нафтали, который каждый может налить, это свойство природы, это качество личности, это особая сила ума. И даже если такую позицию обыватель приговорил к неудаче, и даже если трагична судьба героя, все же это не изменит отношения к правде, ее непререкаемости, необходимости людям, ибо только правда своей беспощадностью служит жизни.

Так прощаются с нами артисты из Венгрии, ставшие московцам друзьями.

Н. ИСМАИЛОВА.